

Гу Чжису молчал некоторое время, затем глубоко вздохнул и высвободился из его объятий. Подняв глаза, он посмотрел на него, и хотя в глубине его взгляда появилась легкая дымка, губы тронула слабая улыбка.

В тот момент, когда Синь Юаньань увидел его выражение, он почувствовал, как сердце его сжалось, а затем мягко отпустило.

— Ты боишься, что я узнаю о своем происхождении и захочу покинуть клан Гу? Стану не представителем великого рода Гу, а никому не известной мелкой сошкой, недостойной пятого принца?

Синь Юаньань, видя, что он шутит, словно это его совсем не беспокоит, почувствовал, как напряжение в горле ослабло. Его пальцы коснулись прядей волос у его уха, и он тихо произнес:

— Мы знакомы так долго, и ты так думаешь обо мне?

Гу Чжису поднял руку и перехватил его пальцы. Его глаза, словно черный нефрит, казались наполненными водой. На мгновение Синь Юаньань подумал, что это слезы, и осторожно провел пальцем по его уголку глаза, но обнаружил, что там не было ни капли влаги.

Напротив, Гу Чжису, видя его беспокойство, не смог сдержать улыбки. Подумав немного, он продолжил:

— Я помню тот день, когда ты дал мне нефритовую табличку и написал на моей ладони несколько слов: «Люди Цюньхуа — все люди Великой Чжоу».

Синь Юаньань пристально смотрел в его глаза, но видел лишь бездонную глубину, где невозможно было разглядеть ни радости, ни печали. Он предположил, что Гу Чжису, узнав об этом, наверняка почувствовал грусть, просто не показывал этого. Поэтому он не стал утешать его, а серьезно заговорил о матери Гу Чжису.

— Твоя мать была подругой моей матери, принцессы, человеком Великой Чжоу и носила фамилию Цзюнь. Ты догадался о чем-то?

Человек Великой Чжоу, подруга принцессы.

Ее статус явно не был обычным.

Гу Чжису опустил голову, начав размышлять, когда услышал, как Синь Юаньань рядом с ним неторопливо продолжил:

— И еще... эта кровавая подвеска цветка груши на самом деле была передана мне тетей Мин Лин.

Он резко поднял голову и посмотрел на висящую на шее Синь Юаньаня подвеску, которая идеально совпадала с той, что была у него на груди.

Эта подвеска была передана Синь Юаньаню наложницей И и изначально была вещью, оставленной в дворце кланом Мужун из Великой Цзинь.

Оставленная во дворце, человек Великой Чжоу, Цзюнь-ши — фамилия императорской семьи Великой Чжоу, Цзюнь-ши.

— Великая Чжоу... императорская семья?

Гу Чжису затаил дыхание. Даже если он никогда не был в Великой Чжоу, он знал, что по сравнению с Великой Ци территория Великой Чжоу была вдвое больше, а военная мощь и государственная сила были чрезвычайно велики. Когда он взошел на трон, из-за беспорядков в кланах Синь и Гу Великая Ци уже была изнутри разложившимся государством. Великая Чжоу отправила множество шпионов в Минду, намереваясь захватить территорию Великой Ци и объединить Поднебесную. В конце концов, он и Синь Юаньань погибли в Минду, и даже единственный законный наследник клана Синь, Синь Линьхуа, также погиб в пепле.

В прошлом он не заботился о Великой Ци, а мстил, но теперь, желая исправить ошибки прошлой жизни, он обнаружил, что сам не является человеком Великой Ци.

Синь Юаньань, видя его странное выражение лица, слегка нахмурился и уже собирался что-то сказать, когда Гу Чжису внезапно поднял голову и, глядя на него, тихо произнес:

— Моя мать... из императорской семьи Великой Чжоу?

Синь Юаньань, видя, что он тоже догадался об этом, повернулся, поднял табличку и, перевернув сторону с надписью «Цюнхуа», протянул ее ему, тихо сказав:

— На обратной стороне жетона Цюнхуа вырезан узор в виде цветка Чэньхуа. В еще не павшей Великой Цзинь только дицзы мог...

Когда он произнес слово «дицзы», оба одновременно замолчали. Гу Чжису взял табличку, провел пальцем по узору, прищурил глаза и тихо сказал:

— Похоже, моя мать... не была женщиной.

С этими словами Гу Чжису резко повернулся, встретился взглядом с Синь Юаньанем и громко произнес в сторону окна:

— Мин Лин, тебе есть что сказать?

Человек, стоявший у окна уже долгое время в молчании, услышав это, медленно подошел к окну и, обратившись к ним, поклонился:

— Прошу прощения у вашего высочества и господина за то, что подслушивала.

Двое в комнате переглянулись. Гу Чжису покачал головой, выражение его лица смягчилось, и он, улыбнувшись, тихо сказал:

— Тетя хотела подслушать, что вполне естественно — пожалуйста, встаньте.

Мин Лин, видя, что на его лице нет гнева, а уголки губ и брови словно оттаяли, почувствовала в сердце волнение. Пристально посмотрев на Гу Чжису, она выпрямилась и, сжав губы, тихо сказала:

— Отвечаю господину, я с детства следовала за старым господином и хорошо его знаю. Как и предполагали ваше высочество и господин, старый господин действительно был дицзы Великой Чжоу...

Гу Чжису, услышав, как она подтверждает его догадку, и видя, что она, похоже, собирается рассказать ему еще что-то о дицзы Великой Чжоу, его кровном родителе, вдруг поднял руку, прервав ее слова, и твердо сказал:

— Достаточно.

Мин Лин слегка удивилась, не понимая, почему он, узнав, что не является человеком клана Гу, все же препятствует ей рассказывать о Великой Чжоу:

— Господин?

— На самом деле мне достаточно знать, что этот человек не моя мать... этого достаточно. — Гу Чжису опустил взгляд, словно задумавшись, и после долгого молчания наконец с улыбкой тихо произнес. — Что касается дел Великой Чжоу, ты навсегда проглоти это и больше не вспоминай.

Видя его решительное выражение, словно он не шутит, и что он действительно не хочет знать о своем родителе из Великой Чжоу, Синь Юаньань почувствовал горечь в сердце и инстинктивно схватил его руку, тихо оправдываясь:

— Яожун... я не сразу рассказал тебе, но это не только из-за страха, что ты...

— Мне все равно, боялся ты или нет. — Гу Чжису, услышав начало, уже понял, что он хочет сказать, и, похлопав его по тыльной стороне ладони, с грустной улыбкой произнес. — Я уже решил, не надо больше говорить. Хотя я не кровь клана Гу, я прожил в нем много лет, и благодарность за воспитание для меня не была мирной и спокойной, а скорее мучительной болью, от которой не избавиться.

Если бы в прошлой жизни он знал, что не является человеком клана Гу — возможно, он не вошел бы во дворец, возможно, давно сбежал бы из этого дома.

Ненависть и борьба в его воспоминаниях, возможно, никогда бы не произошли.

Но если бы он знал, возможно, прожив еще одну жизнь, он никогда бы не встретил Чаньань.

Гу Чжису слегка поднял голову, глядя на стоящую рядом с ним Мин Лин, в глазах которой было полное недоумение. Улыбка на его губах стала глубже, и в его сердце была лишь решимость, без малейшего колебания:

— Если бы я раньше знал, что не являюсь человеком клана Гу... я бы с радостью покинул этот четырехугольный дом, но сейчас все уже иначе.

Синь Юаньань, услышав это, закрыл глаза и произнес:

— Яожун, не делай это ради меня...

— Ты не настолько важен, не приписывай себе лишнего.

Гу Чжису посмотрел на него, улыбка на его губах стала еще теплее, и, говоря это, он повернулся к Мин Лин и тихо приказал:

— Я не покидаю клан Гу по своим причинам — что касается Цюнхуа, сегодняшний выговор был не моим желанием, но, узнав, что вы люди Великой Чжоу, если кто-то из Цюнхуа хочет вернуться в Великую Чжоу, пусть не остается рядом со мной.

Мин Лин уже более десяти лет находилась в клане Гу, с трудом нашла Гу Чжису и всегда надеялась, что он узнает о своем настоящем происхождении, чтобы вернуться с ней в Великую Чжоу. Позже, узнав, что Гу Чжису влюбился в сына наложницы И, она, хотя и не говорила ничего, в сердце понимала, что возвращение в Великую Чжоу, вероятно, не состоится в этой

жизни.

Кто бы мог подумать, что все изменится. Гу Чжису узнал правду, и она думала, что, учитывая злобу клана Гу, он наверняка захочет вернуться в Великую Чжоу, но не ожидала, что Гу Чжису сейчас решил позволить им вернуться в Великую Чжоу, а сам остаться в клане Гу. Она тут же в ужасе опустилась на колени, растерянно позвав:

— Господин!

— Я не прогоняю вас, просто даю вам выбор.

Гу Чжису, увидев, как она опустилась на колени, понял, что она неправильно поняла его слова. С улыбкой он поднял ее, серьезно и тихо сказал:

— Если вы все еще хотите остаться со мной, я больше не буду вас подозревать — вы были под командованием моего родителя, я никогда не видел его, но ваша многолетняя преданность для меня бесценна, и я, естественно, буду хорошо к вам относиться.

— Благодарю господина.

Мин Лин, увидев, что он не прогоняет ее, а не собирается контролировать Цюнхуа, расслабилась и, опустив голову, выразила преданность.

<http://bllate.org/book/16652/1526479>